

На правах рукописи

Кузеванов Виктор Сергеевич

**СИБИРСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В 1930-е – 1950-е гг.:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Омск – 2015

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории и историографии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **Рыженко Валентина Георгиевна**

Официальные оппоненты: **Красильников Сергей Александрович** доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук», сектор истории социально-экономического развития
Федорова Марина Ивановна кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный институт сервиса», кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Защита состоится 1 марта 2016 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ДМ 212.177.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Федеральном государственном бюджетном учреждении высшего образования «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел; <http://www.omgrpu.ru/dissertatsionnyesovety>).

Автореферат разослан «___» _____ 201__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат исторических наук, доцент

И. И. Кротт

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. На современном этапе наблюдается устойчивый интерес к истории советской эпохи. 1930–1950-е гг. – это период активной индустриализации и строительства «парадного» советского города. К процессу формирования «соцгорода» были привлечены архитекторы и инженеры. Деятельность архитекторов по формированию городского пространства в исторических реалиях слабо изучена в исторической науке. Наиболее острыми проблемами остаются реагирование архитекторов на «социальный заказ», взаимоотношения профессионального сообщества с властью, наличие или отсутствие сложившейся корпоративной культуры. При рассмотрении их в социальном контексте, возникают проблемы оценки форм существования общего архитектурного сообщества и истории сибирских отделений Союз советских архитекторов (ССА).

Формирование профессиональной корпорации в региональном масштабе имеет отличительные черты от столичных процессов. В сибирских городах архитекторы были «штучными» специалистами, создавшими в рамках своей территории объединение с особой корпоративной культурой.

На постсоветском пространстве в начале XXI в. наблюдается неоднозначное отношение к символам сталинской эпохи. Процессы, происходящие в настоящее время в эстетической сфере и социальной памяти, отражают изменение отношения к памятникам истории и архитектуры, что актуализирует анализ социального значения городских архитектурных символов советской эпохи и биографий их создателей.

Степень изученности темы. Историографический обзор выстроен в соответствии с разработкой темы в научной традиции по проблемно-хронологическому принципу.

В первый блок входят «отраслевые» публикации по истории архитектуры и градостроительства, что отражает особенность изучения истории советской культуры. Отраслевые историки первыми обратились к изучению профессиональной деятельности архитекторов советского периода. В их трудах, начиная с конца 1950-х гг., деятельность советских архитекторов как специалистов и профессионального сообщества представлена в виде изучения планировочных решений и разработкой доминантных объектов городской среды, символизирующих смену стилей в советской архитектуре. В этом блоке выделим *три подгруппы*: отраслевая история профессиональной деятельности, биографические исследования и труды по истории социальных институтов архитекторов.

В трудах по истории архитектуры и градостроительства находили отражение производственные практики архитекторов. Наиболее полное историографическое описание отраслевой отечественной и иностранной литературы по данному направлению дал Д. Хмельницкий¹. Им отмечены труды историков архитектуры, работы которых были первыми по систематическому изложению

¹ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 13–24.

профессиональной деятельности архитекторов сталинского времени, но значение социальных институтов, ценностных систем для архитекторов не рассматривалось. Названные авторы считали, что деятельность архитекторов – это «инструмент в руках политического аппарата», т. е. исполнитель социального заказа и один из создателей бытовых и жилищно-коммунальных условий.

Круг исследователей², поддерживающих «тоталитарную модель» предложенную И. Голомштоком, исходит из того, что архитектурное сообщество оставалось в «творческой изоляции», а границы его создавали властные структуры. Д. Хмельницкий считает, что власть выдавала готовые решения для архитекторов, а те должны были только «придать форму».

Поворот в сторону «социологии архитектуры» осуществил С.О. Хан-Магомедов, изучая творчество архитекторов «советского авангарда». Его исследования в «постсоветское время» ознаменовали новый этап истории архитектуры изучения деятельности архитекторов, который основывается не на искусствоведческом принципе «естественной эволюции стилей», а на построении «социально-политических идеалов». Ученый не ставил задачу по выявлению политических механизмов управления сферой архитектуры. Оппозиционная точка зрения принадлежит академику архитектуры А.В. Иконникову. Вслед за своими заграничными коллегами он утверждал, что культурный фон имеет первостепенное значение при изучении творчества архитекторов, а политические схемы – это часть культуры. В. Паперный в своей диссертации в 1980-х гг. применил семиотический подход в изучении архитектурного технического творчества, представив этот процесс чередой противоположных типов профессионального мышления. «Культура 2» в своем творчестве подчеркивает отверженность власти, что существенно ограничивает свободу реализации идей, а, следовательно, и социальную активность интеллигенции.

Биографические исследования дают возможность ознакомиться не только с профессиональной, но и социально-культурной и повседневной составляющей творчества архитекторов. Начиная с первых изданий книжной серии «Мастера архитектуры» 1950-х гг. и заканчивая отдельными книгами «Народные архитекторы СССР», в советской историографии сформировался корпус нарративных исследований биографий.

Необходимо подчеркнуть, что историко-архитектурные исследования проводились и в сибирском регионе историками архитектуры: В.И. Кочедамовым, С.Н. Баландиным, Б.И. Оглы, С.С. Духановым, а также искусствоведами А.Н. Гуменюк, С.В. Черноок, Ж.М. Хахаевой.

Отраслевые исследования деятельности архитекторов в контексте политики и социальных институтов, стали историографической практикой благодаря разработке темы Ю.Л. Косенковой³. Она первой представила процесс перехода от творческих поисков архитекторов к практике строительства в условиях из-

² См.: *Иванов С.Г.* Реакционная культура: от Авангарда к Большому стилю. СПб., 2011.

³ См.: *Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940–х – первой половины 1950–х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.

менения идейно-политической атмосферы в 1940-е гг., которые привели к появлению архитекторов-администраторов, в том числе к должности главного архитектора города.

В 2000-е гг. историки архитектуры обратились к истории создания ССА (Т. Самохина, А.В. Щеглов) и его местных отделений (О.В. Орельская, И.А. Ворошилова). Однако исследователи ограничивались очерками и общей справочной информацией.

Второй блок включает в себя исторические исследования профессиональной деятельности архитекторов. Интерес вызывают многочисленные работы историка М.Г. Мееровича. Он, как историк архитектуры и социальный историк, обращает внимание на роль и формы участия архитекторов в осуществлении жилищной политики и в строительстве «соцгородов». Он впервые указывает на существенные характеристики сферы профессиональной деятельности этих специалистов. Реконструкция «биографии профессии»⁴ включает в себя основные этапы формирования требований к профессии, обусловленные принятием политических решений и формированием нормативно-правовой базы. Автор выявляет особенность восприятия архитекторами политических установок через проектирование и ведения жилищного и индустриального строительства.

Контексты социальной истории и социально-политических процессов довоенного времени позволяют изучать деятельность архитекторов в двух направлениях (интенции власти к архитекторам и их к политическим институтам). Г.Н. Яковлева предложила учитывать формирование типа мышления и профессиональной деятельности советского архитектора как «медиума имперсональной идеологии»⁵, а так же положения архитектора во всей системе, исходя из его статуса, в качестве идеологического рычага.

К третьему проблемному блоку относятся работы по социальной истории интеллигенции. Особенности изучения деятельности советской интеллигенции, в том числе, сибирских городов, достаточно полно представлены в историографии⁶. В советской историографии с 1980-х гг. стал преобладать историко-социологический подход в сочетании с культурно-деятельностным. Уделялось внимание количественным и социальным характеристикам отрядов интеллигенции. В.Л. Соскин подчеркнул, что изучение деятельности интеллигенции по

⁴ *Меерович М.Г.* Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917–1941 гг. Иркутск, 2002; *Его же.* Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализация в архитектурном проектировании. 1917–1941 гг. Иркутск, 2003.

⁵ *Яковлева Г.Н.* Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М., 2010. С. 25–30.

⁶ *Соскин В.Л.* Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. С. 54, 64–67; *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: Вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург; Омск, 2003. С. 76–103.

профессиям и специальностям традиционно и естественно. Тема, требующая изменения ракурса рассмотрения, по мнению В.Л. Соскина, – это деятельность общественных организаций интеллигенции – «приводных ремней», обеспечивавших воздействие власти на массы. Такая организация как ССА историками и до сих пор не изучена, особенно это касается создания ее местных отделений. В.Г. Рыженко, выстраивая исследовательскую модель «Интеллигенция-культура-город», впервые обращается к инженерам и архитекторам, которые были причастны к формированию пространства сибирских городов в 1920-е гг.

На примере Западной Сибири С.Г. Сизов изучает интеллигенцию в период проведения идеологических кампаний. Ученый занимается исследованием органов власти, которые оказывали влияние на идеализацию жизни интеллигенции. В круг его внимания не входят архитекторы, но его вывод по поводу политического контроля крайне важен: «<...> партийные организации Западной Сибири создали широко разветвлённый аппарат пропаганды, объединявший огромные культурные силы, улучшили формы и методы руководства им»⁷. Г.А. Янковская предложила институциональный подход к деятельности художественной интеллигенции интересующего нас периода и обозначила основные социальные институты, влиявшие на эту деятельность⁸.

Обзор двух последних проблемных блоков показывает, что возможно сотрудничество между отраслевыми историками и социальными историками культуры, объединяя усилия вокруг общего объекта. В последнее время появились статьи молодых историков⁹, которые анализируют не эстетическую составляющую, а идеологическую, используя отраслевые наработки.

Четвертый проблемный блок – исследования по повседневности «сталинского времени». В поиске «второго мира» (термин М.М. Бахтина) интеллигенции могут быть полезными работы (А.М. Доценко, В.А. Антипиной), напрямую не изучающие техническую интеллигенцию, но связанные с ее отношениями с властью.

Отечественные исследователи активизировались вокруг решения этих проблем. Изучение повседневной жизни приводит ученых к необходимости обращения к другим наукам (экономики – П. Грегори, Е.А. Осокина, социологии – Н.В. Романовский). В политических реалиях создавались коммуникации пред-

⁷ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946–март 1953 гг.). С. 132–133.

⁸ Янковская Г.А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2007.

⁹ Бирюков А.Д. Создание системы внепроизводственного регулирования творчества советских архитекторов в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 161–164; Ильченко М.С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: становление взаимодействия // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 87–96.

ставителей власти и интеллигенции, что накладывало отпечаток на профессиональную повседневность. Дж.М. Истер рассматривает подобные связи как «регионализацию» административного аппарата страны.

К пятому проблемному блоку относятся урбанистические и историко-культурные исследования города и городского пространства. В 1980-е гг. оформляется концепция архитектурного формирования культурного ландшафта города (А.Э. Гутнов, В.Л. Глазычев). В.Л. Глазычев раскрывает урбанистическое пространство на исторических этапах, где главную роль играют архитекторы и градостроители¹⁰. Объединяющая идея этих исследований – город как среда обитания со своей «местной» культурой.

Теоретический горизонт исторической урбанистики исследований к настоящему времени расширился, благодаря изысканиям сотрудников Центра гуманитарных исследований под руководством Д.Н. Замятина. Гуманитарная география нацелена на поиски ландшафтного образа, где роль архитектора в его создании и трансформации весьма существенна в городском масштабе¹¹.

Дополнительно для общего контекста была привлечена литература, изучающая основные вехи истории двух городов: очерки их истории, сюжетная история, энциклопедические издания.

В исторической науке только появляются первые труды, направленные на осмысление деятельности архитекторов и их социальных институтов. В диссертации предлагается воспользоваться тем багажом, который накоплен в отраслевых исследованиях для выстраивания своей позиции в исторической науке, как предлагалось учеными в коллективной монографии¹².

Цель диссертационного исследования – выявить характерные черты профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930-х – 1950-х гг. в условиях складывания системы управления отраслью, создания социальных институтов и повседневных практик на материалах Омска и Новосибирска.

Для реализации определены следующие задачи:

1. Выделить этапы складывания системы управления архитектурной сферой в 1930-е–1950-е гг. и определить их признаки.
2. Выявить процесс оформления ССА как нового социального института.
3. Определить особенности создания сибирских отделений ССА.
4. Охарактеризовать направления и формы деятельности отделений ССА в Сибири.
5. Сравнить региональные практики профессиональной деятельности архитекторов Омска и Новосибирска.

¹⁰ Глазычев В.Л. Урбанистика. М., 2008.

¹¹ Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М., 2008.

¹² Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материале Западной Сибири). Омск, 2004. С. 33–34.

6. Показать характерные признаки производственной повседневности советского архитектора-проектировщика в городском пространстве сталинской эпохи и бытовые условия ее осуществления.

Объект исследования – архитекторы как отряд советской интеллигенции и их объединения.

Предмет исследования – сибирские архитекторы Омска и Новосибирска в 1930-е – 1950-е гг. в условиях реализации их профессиональной деятельности, формирования советских социальных институтов и повседневных практик.

Хронологические рамки исследования. Нижняя граница определена началом централизации архитектурного сообщества (1932 г.) и ликвидации плюрализма в творчестве проектировщиков в условиях выстраивания «вертикали власти». Верхняя граница определена серединой 1950-х гг. (1954 г. – Второй съезд архитекторов и реформирование Союза советских архитекторов; 1955 г. – Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»), когда система подвергается деформации и существенной трансформации.

Территориальные рамки представлены двумя городскими пространствами Омска и Новосибирска. Два крупных города, относящиеся к одному типу, являлись центрами административно-территориальных образований (Омская область с 1934 г., Новосибирская область с 1937 г.), были близкими по численности населения.

Методологическая основа исследования

В работе были использованы методы и подходы, дающие возможность комплексно оценить и охарактеризовать деятельность советских архитекторов.

Дефиниция «интеллигенция» в рамках данного исследования используется в традиционном смысле, как профессиональное сообщество с соответствующим образованием, занимающейся умственным, творческим трудом. Применительно к архитекторам это обозначает не только приверженность к техническому производству, но и подчеркивает участие архитекторов в культурной жизни города. В этой связи требуется рамочное понятие «архитекторское сообщество», которое вбирает в себя как представителей архитектурной специальности, так и круг лиц, задействованных в архитектурном процессе (в том числе инженерный корпус, выполняющие архитектурное проектирование).

Принцип историзма позволяет изучать процесс развития архитектурной деятельности в указанных городах в историческом контексте и условиях формирования архитектурного руководства отрасли.

Архитектор после себя оставляет интересный материал (проекты, пояснительные записки, фотографии, интеллектуальные труды, расчеты, графические листы и т. д.), что требует применение научного арсенала профильных и смежных дисциплин, поэтому в рамках данной работы реализуется также *междисциплинарный подход*.

При реализации данных подходов применялись следующие методы. Метод *исторической реконструкции* необходим для восстановления составляющих элементов городского образования в определённый временной отрезок. Особый

тип городского пространства, который в 1930-е гг. получил название «Соцгород», на протяжении следующих трех десятков лет претерпел ряд изменений. Трансформация была детерминирована рядом обстоятельств, в том числе интенсивностью влияния административно-управленческой системы архитектурной отрасли на определение «соцзаказа». В отраслевой истории устоялось мнение, что власть могла директивно спускать идеальную модель города, которая должна быть создана в отдельно взятом регионе¹³. Однако не всегда только такое вмешательство могло сказаться на архитектурном облике города. Архитектор в эпоху правления И.В. Сталина занимал более высокую иерархическую ступеньку, чем строитель. Пользуясь практикой современных отраслевых исследований и накопленным опытом историков, становится возможным реконструировать культурно-цивилизационный ландшафт.

Историко-сравнительный метод направлен на вычленение схожих и уникальных схем в историко-культурном содержании двух указанных городских систем. В ходе сопоставления двух практик можно выделить базовые характеристики эпохи и «случайные» компоненты в профессиональной работе архитекторов.

Профессиональные культуры этих двух регионов – разные квалификационные наборы. Историко-сравнительный метод демонстрирует различия в деятельности архитекторов двух региональных центров. Учитывая схожесть городских, территориально-климатических и экономических особенностей для выявления схожих черт в проектной деятельности и организации производственного процесса был привлечен *историко-типологический метод*.

Историко-генетический метод использовался при рассмотрении процесса формирования архитектурных сообществ в историческом развитии и выделить этапы создания и деятельности сибирских отделений ССА, отделов главных городских архитекторов.

Источниковая база исследования. Разработка темы опирается на комплекс источников нескольких видов с учетом классификаций, предлагаемых современными специалистами¹⁴.

Нормативно-правовые акты и документы высшего партийного руководства регламентирующие архитектурную деятельность и работу профильных ведомств выявлены как в опубликованном виде¹⁵, так и в центральных архивохранилищах (ГАРФ Ф. А-150. Госстрой РСФСР). К ним относятся декреты, распоряжения и постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и Совнаркома РСФСР. Всего было привлечено 82 документа.

¹³ См.: Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 129–191.

¹⁴ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А.К. Соколова. М., 2004.

¹⁵ Из истории советской архитектуры 1926–1932. Документы и материалы. Творческие объединения. М., 1970; Из истории советской архитектуры. 1932–1941. Документы и материалы. М., 1968; Из истории советской архитектуры 1941–1945. М., 1978.

Делопроизводственные документы раскрывают функционирование системы руководства данной отраслью. Это протокольная документация (включая выписки), деловая переписка (записки и письма органов исполнительной власти регионов с организациями, архитектурно-планировочными бюро и конторами, официальные письма проектных организаций), циркулярные письма (входящая и исходящая официальная корреспонденция), отчетно-планирующие документы, отраслевые документы текущего делопроизводства (архитектурно-планировочные задания, решения архитектурно-строительной комиссии, экспертные заключения по проектам).

Большая часть документов была обнаружена в двух центральных (Российский государственный архив литературы и искусства; Государственный архив Российской Федерации), двух региональных (Государственный архив Новосибирской области; Исторический архив Омской области) и одного муниципального (Новосибирский городской архив) архивохранилищах. В ходе исследования было изучено более 800 дел из 15 фондов. Протоколы заседаний Архсоветов, впервые введенные в научный оборот, необходимы для определения особенностей административного руководства сибирских регионов и выявить принципы принятия важнейших решений для осуществления политики «на местах». Обращение к центральным архивам позволило восполнить лакуны в местной документации отделов главных архитекторов и других социальных институтов.

К *источникам личного происхождения* относятся опубликованные воспоминания деятелей ВКП(б) и советского государства (Л.М. Кагановича, С.И. Манякина), архитекторов (Н.С. Кузьмина), выдержки из дневников первого сибирского академика архитектуры Е.А. Ащепкова¹⁶. Такого рода источники крайне редки при изучении технической интеллигенции, поэтому обладают особой ценностью. Архитекторы редко оставляли «личные записки», поэтому воспоминания внуки А.Д. Крячкова¹⁷ были привлечены для реконструкции частной повседневности архитектора.

Здесь же вошли материалы из личных фондов архитекторов. Кроме личного фонда Е.А. Ащепкова в ГАНО (Ф. Р-2102), были изучены материалы фондов архитекторов К.К. Леонова (Ф. Р-2102) и С.П. Скобликова (Ф. Р-2033), которые участвовали в проектировании социально значимых объектов Новосибирска. Важно подчеркнуть, что К.К. Леонов подробно записывал свои воспоминания. Были привлечены четыре его автобиографических очерка для воссоздания деталей профессиональной повседневности.

Ещё одной формой являются автобиографии, которые писались при приеме на работу или при вступлении в ССА. Таковых обнаружено 30 единиц. Ценная информация личного характера (место и дата рождения, семейное положение, происхождение, благосостояние семьи, образование и пр.) была выявлена из коллекций ведомственного музея истории ОАО ТПИ «Омскгражданпроект»

¹⁶ Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. Новосибирск, 1992.

¹⁷ Стребкова А. Воспоминания о деде // Проект Сибирь. 2007. № 28. С. 31–34.

(Омск) и Государственного научно-исследовательского музея им. А.В. Щусева (Москва).

Фронтальный просмотр местной периодической печати – газеты («Омская правда», «Советская Сибирь»; журналы – «Омская область», «Народное хозяйство Омской области»), позволил обобщить основные характеристики профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930-х – 1950-х гг., отражающих специфику оформления их социальных институтов (в том числе местных отделений ССА), а так же в определении динамики состава омского и новосибирского отделений ССА с учётом фактора эвакуации и реэвакуации архитекторов городов СССР.

Отраслевая периодика необходима для определения, что читали сами архитекторы и что выписывали для библиотек проектных организаций и библиотеки Архитектурного фонда. Были просмотрены центральные журналы основных архитектурных институтов: «Архитектура СССР. Орган Академии архитектуры СССР и Управления по делам архитектуры при СМ РСФСР» (1934–1956 гг., 168 номеров), «Архитектура и строительство. Орган Министерства городского строительства и управления по делам архитектуры при СМ РСФСР» (1946–1955 гг. 84 номера), «Архитектура и строительство Москвы» (1953–1956 гг., 36 номеров), «Архитектура Ленинграда: Журнал Исполкома Ленсовета» (1939–1945 гг. 72 номера), «Архитектура и строительство Ленинграда. Орган исполкома Ленинградского городского депутатов трудящихся, Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР» (1954–1956 гг. 39 номеров), «Архитектурная газета: Орган оргкомитета ССА» (1934–1940 гг. 72 номера, включая приложения). Сопоставление с архивными данными определило книжный фонд и состав периодических изданий библиотеки Архфонда Новосибирского отделения ССА. Удалось выявить 91 публикацию (22 аналитических статьи ведущих архитекторов, 56 заметок об архитектурной жизни и деятельности архитекторов, 3 – статьи о результатах конкурсов, 10 передовых статей о политических решениях, повлиявшие на проектное дело и строительную отрасль).

На основе анализа периодической печати был сделан вывод о степени информированности архитекторов, а также о позиции власти по формированию «социального заказа» в адрес архитекторов.

Отдельный комплекс источников, отражающий специфику темы, составляют *визуальные источники*. Среди них: *архитектурные проекты, рабочие чертежи и эскизы*. В отечественной исторической науке подобные материалы не попадали ранее в поле внимания социальных историков. В рамках данной работы предложена возможная методика с подобными источниками с внешней и внутренней критикой источников.

Такие источники содержат особую информацию о профессиональной повседневности и специфике работы, которую возможно прочитать, вскрыв уникальный код. Представляют особый интерес проектная документация и графические листы архитектурных работ из-за своей малочисленности (около 200 проектов), т.к. многие графические листы были уничтожены в годы Великой Отечественной войны или применялись вторично.

Фотопроекты составлялись архитектурными мастерскими при отсутствии возможности выполнять копии. Было выявлено более 700 ед. из вышеуказанных архивов и музеев.

Фотографии традиционно входят в круг визуальных источников по реконструкции городского пространства. В работе были изучены фотографии архитектурных объектов Омска и Новосибирска, процессов их строительства. Также были обнаружены личные фотографии архитекторов, инженеров, проектировщиков на рабочем месте, в «непринужденной обстановке» (дома или среди друзей), выпускные фотографии образовательных учреждений, которые имеют значение для реконструкции повседневности. Общий объем свыше 64 ед.

В качестве вспомогательных источников привлекались *картографические материалы, схемы районов городов* с целью соотнесения с генеральными проектами развития городов, с запечатлёнными реальными фрагментами пространства города.

Научная новизна состоит в обобщении основных характеристик профессиональной деятельности сибирских архитекторов 1930-х – 1950-х гг., отражающую специфику оформления их социальных институтов (в том числе местных отделений ССА), а так же в определении динамики состава омского и новосибирского отделений ССА с учётом фактора эвакуации и реэвакуации архитекторов городов СССР.

В научный оборот вводятся новые источники (архитектурные проекты и эскизы), позволяющие выявить и описать особенности профессиональной деятельности архитекторов. Необходимость введения новых источников привела к созданию рабочей методики анализа архитектурно-проектной документации.

Показаны разные стороны деятельности советских архитекторов в пространстве двух крупных сибирских городов. Впервые воссоздана история появления и специфика существования сибирских отделений ССА. Восстановлен персональный состав отделений и отличительные признаки производственных повседневных практик новосибирских и омских архитекторов. Реконструирована деятельность главных городских архитекторов.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Архитектурное сообщество выводится из общего инженерно-технического персонала как подотряд советской интеллигенции, занимающий особое положение между сферами производства и творчества. Опыт отраслевых исследователей использован для выстраивания рабочей модели изучения советского архитекторского сообщества сталинской эпохи.

Полученные результаты важны для реконструкции процесса складывания корпоративной культуры сообщества советских архитекторов, в его общих (союзных) и региональных проявлениях, для выяснения степени унификации деятельности советской интеллигенции и свободы творческих поисков в условиях «сталинской эпохи». Применение рабочих моделей и выводов возможно для дальнейших исследований организации и корпоративной культуры архитекторского сообщества и инженерно-технической интеллигенции советского периода.

Практическая значимость определяется результатами исследования, которые могут быть использованы в научно-исследовательских, учебно-образовательных, социально-политических практиках. В работе представлены сводные материалы, которые могут служить справочной информацией для подготовки обобщающих трудов по истории архитектурного сообщества и истории Сибири.

Материалы данного исследования полезны для разработки рабочих программ дисциплин исторического профиля, специальных дисциплин, посвященных истории городов Сибири и истории профессиональной повседневности интеллигенции.

Положения, выносимые на защиту:

1. В процессе выстраивания системы политического управления архитектурной сферой можно выделить ряд этапов. Начальный этап (первая половина 1930-х гг.) включал постановку основных задач перед архитекторами со стороны власти. Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г. был заявлен как образец, на который архитекторы провинции должны были ориентироваться, как в профессиональном, так и в организационном плане. Исполнение становилось критерием оценки эффективности и средством контроля за творческой деятельностью интеллигенции, как в центре, так и на местах. На этом этапе появляется новое институциональное звено системы в масштабах страны – ССА. Второй этап (конец 1930-х – середина 1940-х гг.) – попытки закрепления политического руководства сферой архитектуры и строительства. Появляются системные требования к профессии архитектора, оформляется система институтов. Третий этап приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг. и характеризуется расхождением интересов государственного и политического аппаратов и ведомственных проектных организаций.

2. Политика унификации корпоративной культуры советской интеллигенции, проявившаяся в формировании соответствующих союзов, включая создание ССА как варианта архитектурного сообщества 1930-х-1950-х гг., отразила не только «политическое давление», но и стала условием для выполнения архитекторами своих профессиональных обязанностей. Процесс оформления отделений ССА «на местах» означал не регионализацию, а централизацию творческой деятельности. Местное отделение могло принимать решения по определению качества работы архитектора, исходя из политики руководства.

3. Новосибирское и омское объединения, находясь примерно в равных условиях, стояли перед разными административно-организационными барьерами – утверждения, согласования документов и выделения финансовых средств. При выполнении задач по благоустройству и оформлению городского пространства это отразилось в специфике профессиональной деятельности. История создания сибирских отделений ССА показывает, что «специфичность» могла принимать разные формы, исходя из количественного и персонального состава, квалификации архитекторов. Новосибирскому отделению ССА удалось сформировать основы общей корпоративной культуры, интегрировав высококлассных специалистов. Основные архитектурные силы Омска были собраны в составе одного проектного института, поэтому главной функцией отделения была координация.

4. ССА воспитывал «идеологически правильного» специалиста, мастерство которого должно подтверждаться при распространении благ со стороны соответствующих органов, а не эффективностью выполнения производственных задач. Производственные организации и проектные конторы могли самостоятельно создавать условия для проектирования, что ущемляло функции отделений ССА. Исходя из численности и состава отделений, местное правление могло варьировать направления деятельности коллектива и их формы влияния на производственную сферу, а также стимулировать повышение творческого потенциала.

5. В «сталинскую эпоху» происходит оформление новых требований к производственной деятельности советского архитектора и появляется расхождение с реалиями местных повседневных практик, что является, с одной стороны, результатом масштабных социальных событий, а с другой – сугубо политических решений. Позиции местных представителей этого профессионального сообщества определялись как традиционалистские, новаторские и колеблющиеся.

6. Архитектор в результате своей профессиональной деятельности производит комплект проектной документации, который проходит ряд процедур. С позиции административных структур это – техническая документация для выполнения строительных работ и осуществления политики архитектурного и градостроительного проектирования. Архитектор, занятый проектированием архитектурного сооружения, опирается на свой научный и творческий потенциал, который применяет в архитектурном проекте. Советский архитектор вправе дополнить комплект эскизными работами, которые отличаются уровнем художественной проработки. Все это дает основания полагать, что архитектурный проект не может рассматриваться как составная часть визуальных источников, а должен быть выделен в самостоятельный вид источников со своей методикой исследования.

7. Производственная деятельность архитекторов накладывала отпечаток на их повседневную жизнь. Производственная повседневность и частная (бытовая) повседневность архитектора складывались под влиянием разных факторов, в том числе жилищно-бытовых условий, связанных с персонифицированным, иерархическим социальным статусом. Занимаясь формированием городского пространства, архитектор оказывался зависим не только от экономических условий региона, архитектор оказывался зависим не только от экономических условий региона, но и культурного ландшафта города. Взаимодействие с другими участниками производственного процесса становилось фактором принятия решения профессиональных проблем и элементом коммуникаций профессионального сообщества на отдельной территории.

Апробация результатов исследования. Основные тезисы и положения были изложены в монографии, 3 статьях в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, 18 статьях и тезисах.

Результаты научных изысканий были представлены на международном научном форуме «Ломоносов» (Москва, 2011, 2013), международной научно-практической конференции «Творчество молодых» (Омск, 2012), Всероссийской конференции «Культура городского пространства» (Омск, 2013). Теоретические положения представлялись ежегодно на профильной Всероссийской научной конференции «Баладинские чтения» (Новосибирск, 2010–2015) и получили положи-

тельную оценку. Основные теоретические положения были представлены в монографии, которая оказалась востребованной со стороны историков Сибири и отраслевых специалистов.

Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы, дана характеристика степени изученности темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования. Обозначены территориальные и хронологические границы, основные методы, выделены группы источников, сформулирована научная новизна, раскрыты практическая и теоретическая значимость диссертационного исследования, указана апробация результатов научного исследования.

Первая глава «Система политического управления архитектурной сферой в 1930-1950-е годы (идеологический и институциональный аспект)» посвящена процессу институционализации и выстраиванию механизмов политического руководства архитектурно-строительной отраслью.

В первом параграфе «Политика в области архитектуры и строительства "сталинской эпохи"» показан процесс формирования законодательной базы и условия создания политических установок по выстраиванию структуры архитектурно-строительной отрасли. Анализируется нормативно-правовая основа архитектурной отрасли, а также возможности участия архитекторов в процессе принятия решений по ключевым вопросам архитектурно-строительного комплекса. Особое место уделено путям формирования «социального заказа» по реконструкции, восстановлению и благоустройству городов СССР. Выявлено, что согласно законодательным и правовым актам, контроль качества выполнения «соцзаказа» лежал на самих архитекторах, а критерии оценивания были установлены партийным руководством. В том числе это касалось вопросов расселения, обеспечения жилья, и планомерного развития города. Технология решения проблем столицы должна была стать образцом для других регионов, без учета их возможностей.

Во втором параграфе «Унификация творческой деятельности советских архитекторов: создание Союза советских архитекторов и его местных отделений» акцент поставлен на создание центрального органа, контролирующего творческую сторону архитектурно-проектного дела.

Современные историки склонны полагать, что это объединение по своей нагрузке не только творческое, но «внепроизводственное». Возникает вопрос о соотношении представлений власти и архитекторов. В соответствии с Уставом ССА (во всех редакциях с 1930–1950-х гг.) это творческая организация, по своей форме общественная институция, что позволяет рассматривать ССА как площадку, на которой сталкиваются интересы интеллигенции и властных структур. Поэтапное формирование структуры и выстраивания каналов контроля за деятельностью местных отделений привели к тотальной централиза-

ции. Центральный орган выполнял функцию координации и инспекции местных отделений. В сибирских регионах местные отделения ССА, которые в полной мере не могли выполнять свои функции на постоянной основе, становятся, по сути, инструментом власти и давления на архитекторов, так как механизмы и критерии оценивания «спускались сверху». В итоге творческий союз оказывается политическим рычагом руководства интеллигенцией со стороны власти.

В *третьем параграфе «Управление архитектурной отраслью в 1930–1950-е гг.: архитектура руководства и руководство архитектурой»* описывается процесс регламентации архитектурного проектирования и утверждения градостроительных решений. Дается характеристика института главного городского архитектора и его отдела. Выделение этого института из состава административно-хозяйственных органов стало условием для установления «социалистического» (государственного) порядка и надзора за правомерностью застройки и темпов формирования композиции архитектурного пространства города. Государственные органы, органы управления и службы выполняли комплекс задач, который в конечном итоге мог создать «дисциплинарную устойчивость» отрасли. Определяется «идеологическая модель» руководства архитектурной отраслью, т. е. как власть видела этот институт в действии.

В *четвертом параграфе «Главный городской архитектор: региональное администрирование»* освещаются проблемы, с которыми сталкивались городские власти и службы при вводе должности главного городского архитектора, как административного «рычага из центра», который «на местах» проводил государственную и партийную политику. Ее осуществление в сибирских городах имело специфику. Главными проблемами на пути создания целостного «социалистического города» стали как самовольные постройки, так и нежелание крупных промышленных предприятий строить «представительские» и высотные дома в центральной части городов, что привело к созданию рабочих «закрытых» поселков с полным циклом жизнеобеспечения. Главный городской архитектор должен был учитывать интересы не только инвесторов-застройщиков, но и городских властей. Если в Новосибирске главный городской архитектор мог решать масштабные задачи, опираясь на экономический потенциал региона, то омский главный архитектор использовал политический рычаг в принятии решений для сохранения «композиционной целостности» и гармоничного ансамбля города.

В рассматриваемый период должность главного архитектора в Омске и Новосибирске занимали высококвалифицированные специалисты, имеющие поддержку своих коллег. «Идеальная» политическая система, представленная в юридической плоскости, могла быть скорректирована, исходя из тех целей и задач, которые ставили городские власти. Творческий процесс проектирования отдельных зданий или городов мог корректировать политический курс под жестким контролем ССА (т.е. при обсуждении конкурсного проекта), либо при утверждении главным городским архитектором.

Вторая глава «Сибирские архитекторы в локальной и региональной культуре 1930-х – 1950-х гг.: особенности практической деятельности» раскрывает специфику деятельности архитекторов Сибири. Определены роль и

значение Новосибирского и Омского отделений ССА для местных архитекторов. Учитывая особенности регионов, проводится сравнительный анализ местных отделений. На основе этого были выбраны критерии для рассмотрения их производственной деятельности.

В первом параграфе «Сибирские отделения Союза советских архитекторов: создание и формы деятельности» рассматривается процесс регламентации творчества, «спускаясь» на местный уровень. Определены значение сибирских отделений и этапы их формирования. Иркутское, новосибирское и красноярские отделения стали логичным продолжением и выполнением Постановления ЦК ВКП(б) 1932 г. Омское и томское отделения из-за своей малочисленности не попали под авторитарный контроль за исполнением планов со стороны Правления ССА, что фактически сохранило их «общественный» статус.

Крупнейшим представительством ССА в Сибири стало новосибирское отделение. Начиная от двух десятков архитекторов в 1934 г., отделение к 1950 г. включало в себя 70 человек. В сравнении с омским отделением, которое в начале своей деятельности имело от 4 до 5 в 1930-е гг. смогло увеличить численность к 1950 г. только на одного члена. В годы Великой Отечественной войны штаты и численность сибирских отделений существенно возросли, т.к. учет велся, включая эвакуированных. Удалось восстановить точную численность на 1 января 1945 г., опираясь на сводные данные Правления ССА: новосибирское – 70, омское – 13, барнаульское – 12, иркутское – 7, красноярское – 34, сталинское – 10, томское – 7. Очевидна тенденция увеличения численности во время массовой эвакуации в первые годы войны, а затем наблюдается существенный спад численности в июле 1945 г. Кроме того, архитектурная жизнь сибирских регионов перешла на более высокий уровень, благодаря участию крупных архитекторов, эвакуированных из центральной части страны (Д.Ф. Фридмана, А.И. Гегелло и др.). Максимальная численность за весь период войны была у новосибирского отделения ССА на 1 января 1943 г., его состав достиг 173 члена (вместе с кандидатами).

Архитекторы Новосибирска работали в разных мелких проектных конторах при промышленных предприятиях, что негативно сказывалось на качестве проектирования и строительства. Консолидирующую функцию выполняло местное отделение ССА. В Омске была обратная ситуация: существовала одна крупная проектная организация, которая объединяла всех ведущих архитекторов. Для молодых архитекторов возможность вступления в Союз, распределявший блага среди своих членов, становилась существенным стимулом для выполнения сложных работ по планировке и застройке с соблюдением качества.

Во втором параграфе «Производственная деятельность архитекторов Омска в персональном измерении» рассматривается деятельность проектировщиков Омска сквозь призму личностных проектных акций. Архитектор для омского региона оказался «штучным специалистом», поэтому мог выбирать нишу для осуществления производственной деятельности. Методы проектирования не попадали под жесткий пресс администрирования со стороны главных городских архитекторов. Во время бурного роста строительства архитекторы могли реали-

зывать свой творческий потенциал в основном только при проектировании административных и общественных зданий, которые строились по индивидуальным проектам. П. Голенко, Е. Степанов, Д. Бутырин, Е. Семенов, А. Юмакаев – авторы многих зданий, ставших впоследствии архитектурными символами города, смогли при проектировании собрать вокруг себя единомышленников. К реконструкции города и разработке генпланов (1935–1936 гг., 1953–1956 гг.) привлекались московские и новосибирские коллективы. Местные архитекторы из-за режима экономии, установленного городскими властями, пользовались типовыми принципами проектирования. Основная работа архитекторов была направлена на проектирование и расширение жилищного фонда.

В третьем параграфе «Производственная деятельность архитекторов Новосибирска в корпоративном измерении» выделена особенность деятельности новосибирского архитектурного сообщества, которое решало проблемы при общем обсуждении, а не при утверждении с руководителями промышленных предприятий, которым принадлежало большинство мелких проектных контор. Новосибирские архитекторы были консолидированы в крупных «социальных институтах» – Сибирский строительный институт (позже НИСИ им. В.В. Куйбышева) и отделение ССА. Видные архитекторы Новосибирска привлекались для преподавания в НИСИ, что свидетельствует о создании сибирской «архитектурной школы», которая на протяжении трех десятилетий воспитывалась на лучших образцах архитектурного творчества. Процесс воспитания кадров, привлечения в Союз архитекторов, привели к повышению консолидации архитектурного сообщества. Известные сибирские архитекторы (Е. Ащепков, Н. Болотин, Н. Васильев, А. Крячков, Н. Кузьмин), смогли сложиться как архитекторы «сталинской эпохи» и проектировали в духе «соцреализма», благодаря общественной поддержке в ССА и своему социальному статусу, который возрастал вместе с мастерством. Центристремительная сила притягивала молодых архитекторов в состав отделения ССА, что позволило создать самодостаточный коллектив, который мог решать важные производственные задачи. Внутри этого сообщества создавались благоприятные условия для совершенствования проектного мастерства и осуществления новых идей.

Третья глава «Повседневная жизнь и общественная деятельность архитекторов сибирских городов в 1930-е–1950-е гг.» включает в себя реконструкцию городской жизни советского времени. Повседневная жизнь архитектора протекает в городском пространстве, которое влияет на него, является объектом его профессиональной деятельности и одновременно определяет практики его повседневного бытия.

В первом параграфе «Общая характеристика городского пространства Омска и Новосибирска» определена специфика формирования указанных городов. Анализ численности и планировочные особенности Омска и Новосибирска показывают, что на развитие городов повлиял промышленно-производственный фактор. Названные города были экономически зависимыми от крупных производственных предприятий, т.к. они становились основными заказчиками. Такое положение дел сказалось на зонировании территорий, в результате мас-

штабных послевоенных реконструкций в пространстве города акценты были поставлены на жилых массивах – кварталах. Высотные акценты в силуэте городов выполняли административные и общественные здания (Дом Советов, Дворцы культуры и т. д.).

Во втором параграфе «Советская повседневность архитекторов Омска и Новосибирска "сталинской эпохи"» реконструируется городская производственная повседневность архитекторов. Архитектор живет в городском пространстве и занимается его перестройкой. Такое положение между потребителем и планировщиком может быть распознано только на уровне повседневности. Архитектор в производстве задействован в создании проектов, что дало ему право создавать архитектурное пространство города исходя из идеалистических установок.

Жилая застройка должна была отвечать минимальным требованиям в коммунально-бытовом и культурном обслуживании. Дома культуры, кинотеатры и утилитарные объекты города становились неотъемлемой частью жизненного цикла советских людей. Типовое проектирование «сталинского времени» не обезличивало город, но создавало архитектурные акценты в панораме города, которые становились культурными символами для горожан. Из-за климатических и ландшафтных особенностей в зонировании городов четко прослеживается выделение зеленых зон, которые должны были положительно повлиять на благоустройство города и комфортности проживания. В это время разбиты крупные скверы и парки, дополняющие общие рекреационные пространства главных площадей городов. Архитекторы, занимаясь проектированием подобных зон, выполняли планировочную работу.

Производственные связи архитекторов и «спартанские» условия экономии приводили архитекторов к замкнутости своих коллективов. Нежелание региональных и городских властей в оказании помощи архитекторам вынуждали заниматься самообеспечением и выстраиванием материальной независимости от центральных органов. Новосибирские архитекторы оказались в лучшем положении, т.к. к их жизнеобеспечению были подключены ресурсы Архфонда отделения ССА. Омские архитекторы напрямую зависели от хозяйственно-административных отделов горисполкома, что привело процесс проектирования к режиму экономии.

Архитекторы обустроивали свой быт, исходя из финансовых возможностей. Они получали жилую площадь, соответствующую их квалификации и должности: архитекторы-преподаватели НИСИ жили в профессорском доме, где были созданы условия для творчества; архитекторы среднего звена жили в скромных условиях, но при выполнении крупного заказа от предприятий, им могли быть выделены квартиры более высокой комфортности. Новосибирские архитекторы проектировали отдельный Дом Архитектора, но проекты не осуществились.

Сибирские архитекторы проводили неформальные встречи и вечера с выездом за город. Празднования и торжества омских архитекторов дополнялось выступлениями собственного самостоятельного музыкального коллектива. Жилые помещения и производственные кабинеты украшались архитектурными

работами мастеров, выполненных на высоком уровне. На уровне повседневности можно заметить производственную связь архитекторов Омска с представителями творческих профессий, в том числе с фотографами, а в Новосибирске – с художниками.

В третьем параграфе «Формы общественной деятельности сибирских архитекторов» затронуты вопросы, связанные с социальной ролью архитектора внутри архитектурного сообщества. Сибирское представительство Академии архитектуры стало возможным только благодаря активности и слаженности коллектива под руководством Е.А. Ащепкова. Он собрал специалистов архитектурно-строительной отрасли, которые могли выполнять задания руководства на общественных началах. Общественная инициатива была поддержана и получила воплощение, так как имела «вдохновителя» – инициатора.

Метод критического освоения культурного наследия выработал в архитекторах особое отношение к своей истории и памятникам архитектуры. Архитекторы предпринимали попытки сохранить памятники не только в обсуждениях планов реконструкции, но и в общественных акциях по сохранению наследия. Такой тип рефлексии просматривается в увлечениях архитекторов искусством. Например, Н.Г. Васильев в графике представлял административные здания города, Е.А. Ащепков был увлечен фотографией и музыкой.

В заключении подведены итоги по реализации задач и достижению поставленной цели. Возможным продолжением данного исследования может стать развитие темы корпоративных связей.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ, СОДЕРЖАЩИХ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертации:

1. Кузеванов, В.С. Трансформации архитектурного образа советского города и градостроительных замыслов архитекторов Омска 1950-х гг. // Омский научный вестник. Серия Общество, история, современность. – № 5 (132). – Омск, 2014. – С. 33–37.

2. Кузеванов, В.С. Деятельность советских архитекторов в оценках отраслевых исследователей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2014. – Том 13. Выпуск 8: История. – С. 168–173.

3. Кузеванов, В.С. Архитектурный проект как источник для изучения социальной истории и культуры интеллигенции России в 1930–50-е годы // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – 2014. – № 2. – С. 114–128.

Монографии:

4. Кузеванов, В.С. Деятельность омских архитекторов по формированию городского пространства 1930–1950-х годов: монография. – Омск: Издательский дом Наука, 2014. – 166 с.: 30 ил.

Статьи и тезисы научных конференций:

5. Кузеванов, В.С. Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина (г. Новосибирск) как транслятор образа города Омска 1930–1950-х гг. // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: матер. VII всеросс. науч. конф. с международным участием. – Омск, 2009. С. 186–187.

6. Кузеванов, В.С. Музейные материалы по архитектуре Дома Советов в городе Омске // Декабрьские диалоги: Матер. научной конф. памяти Ф.В. Мелехина. – Выпуск 13. – Омск, 2010. – С. 184–186.

7. Кузеванов, В.С. Моделирование историко-архитектурного комплекса в рамках локальной культуры // Науки о культуре в XXI веке: Сб. матер. ежегодной конф.-семинара молодых ученых. Том 10. – М.: РИК, 2010. – С. 114–118.

8. Кузеванов, В.С. «Сталинский ампир» – стиль архитектурного пространства г. Омска 1930–50-х гг. // Баландинские чтения: избранное. 2006–2010 гг. – Новосибирск: НГАХА, 2011. – С. 67–69.

9. Кузеванов, В.С. Архитектурный памятник в культурном пространстве г. Омска // Матер. Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / отв. ред. А.И. Андреев и др. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

10. Кузеванов, В.С. Вариант сохранения архитектурных «памятников» советского Омска как культурно-символических объектов // Омская крепость: Историко-культурное наследие. сб. матер. омской гор. науч.-практ. конф. – Омск, 2011. – С. 155–158.

11. Кузеванов, В.С. Архитектурные проекты Дома Советов (новосибирская и омская ситуация) // Баландинские чтения: сб. статей VI научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск, 2012. – С. 50–67.

12. Кузеванов, В.С. Трансформация образа архитектора в истории культуры г. Новосибирска // Матер. Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А.И. Андреев и др. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

13. Кузеванов, В.С. Региональное воплощение культурно-архитектурной модели «Сталинский ампир» в Омске и Новосибирске // Актуальные проблемы российского регионализма: Областная идеология и культурология в истории и современной философской и общественно-политической мысли: Матер. всеросс. конф. – Омск, 2012. – С. 73–77.

14. Кузеванов, В.С. Отражение Победы в Великой отечественной войне в архитектурном убранстве городка Нефтяников / А.В. Жидченко, В.С. Кузеванов // Сибирь: вклад в Победу в Великой отечественной войне: сб. матер. 5 Всеросс. науч. конф. – Вып. 2. – Омск, 2012. – С. 167–172. (авт. вклад – 0,2).

15. Кузеванов, В.С. Памятники архитектуры сталинской эпохи в крупном сибирском городе // Баландинские чтения: сб. статей VII науч. чтений памяти С.Н. Баландина, Новосибирск, 18–20 апреля 2012 г. – Новосибирск, 2013. – С. 174–187.

16. Кузеванов, В.С. В.И. Кочедамов: вклад в изучение истории советской архитектуры Омска // Творчество молодых: дизайн, реклама, информационные

технологии / Сб. трудов XII Междунар. научно-практической конф. студентов и аспирантов. – Омск: ОмГТУ, 2013. – С. 16.

17. Кузеванов, В.С. Представления архитекторов о советском Омске 1930–1950 годов // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и преумножении культурных традиций России: матер. Всеросс. научно-практической конф. (Омск, 12–13 ноября 2013 года). – Омск: ИД «Наука», 2013. – С. 148–153.

18. Кузеванов, В.С. Подготовка архитектурных кадров советской Сибири первой половины XX века // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: сб. научных ст. и матер. V Всеросс. научно-практической конф. (с международным участием), посвященной 155-летию со дня рождения выдающегося педагога М.М. Сиязова (1858–1914). Омск, 1–2 ноября 2013 г. – Омск: Амфора, 2014. – С. 141–149.

19. Кузеванов, В.С. Об использовании отраслевой делопроизводственной документации в историческом исследовании крупного сибирского города 1930–1950-х гг. // Вторые Ядринцевские чтения: матер. II Всероссийской научно-практической конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). – Омск: ОГИК музей, 2014. – С. 58–60.

20. Кузеванов, В.С. Управление главного архитектора города как административная форма деятельности новосибирских архитекторов 1930–1950-х годов // Декабрьские диалоги. Вып. 17: мат. Всеросс. (с международным участием) науч. конф. памяти Ф.В. Мелехина, 3–4 декабря 2013 г. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2014. – С. 96–100.

21. Кузеванов, В.С. Формирование Омского отделения Союза советских архитекторов в 1930–1950-е гг. // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–18 апреля 2014 г. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – Т. IX. – Ч. 2. – С. 107–117.

22. Кузеванов, В.С. Возможности использования институционального подхода при изучении деятельности советских архитекторов в 1930–1950-е гг. // Университеты в системах развития и интеграции России: матер. Всероссийской научной конф., посвященной 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 октября 2014 г.). – Омск: ОмГУ, 2015. – С. 148–150.

23. Кузеванов, В.С. Общественная форма деятельности научно-технической интеллигенции архитектурно-строительной отрасли в сибирском регионе в период позднего сталинизма // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–17 апреля 2015 г. – Новосибирск: НГАХА, 2015. – Т. X. – Ч. 2. – С. 187–189.

Подписано в печать 17.12.2015. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 246.

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а*